

Мозаика

Клара Коваль

Клара Коваль

Мозаика

«Автор»

2020

Коваль К.

Мозаика / К. Коваль — «Автор», 2020

О героинях и героях книг и сериалов, любимых и не очень... Но, безусловно, неординарных.

© Коваль К., 2020

© Автор, 2020

Клара Коваль

Мозаика

Об Анне де Бейль, ее возлюбленных и мужьях, о ее служанке и о ее сыне. «Три мушкетера» Александр Дюма.

Ангел.

Матье не мог оторвать от нее глаз.

Впрочем, на нее смотрели все, у кого только была такая возможность. Что же до тех, кто этой возможности был лишен, то они толпились у ворот тюрьмы, расспрашивали о ней охрану и их голоса – злобные и негодующие, доносились даже сюда...

В коридоре слышались шаги. Затем дверь распахнулась и в комнату вошел его отец. Тоже злой и исполненный негодования, как и собравшиеся за воротами горожане.

– Гнусная тварь! – прошипел он сквозь зубы. – Ведьма! Совратительница!

Матье побледнел. Эти жестокие слова не могли относиться к Ней. Никак не могли!

– Отец, неужели Вы думаете, что она виновна?

– Виновна? – переспросил отец и тут же ответил: – Да! Виновна, как сам дьявол!

Матье посмотрел во двор. Девушки там уже не было, но все же... Все же она по-прежнему стояла перед ним. Юная девушка, с распущенными по плечам волосами и с глазами, полными ужаса и отчаяния.

"Это все ложь! – подумал он. – Это не может быть правдой! Ведь она... Она так молода, так невинна. И к тому же..."

– Она прекрасна! – прошептал Матье. – Прекрасна, как ангел божий!

Клеймо.

Этот дом находился на излучине реки, в ста шагах от парома. Вокруг него высилась живая изгородь, в два-три фута высотой, неухоженная и сообразно времени года, уже пожелтевшая. Сам дом – и снаружи и внутри – выглядел не лучше. Его прежние владельцы появлялись в нем довольно редко, да и нынешние тоже явно не собирались в нем задерживаться..

Высокий мужчина, с бледным лицом, черными волосами и черной бородой, поправил на себе плащ и огляделся по сторонам. Его взгляд скользнул по убогой обстановке и снова остановился на ней... владелице или, лучше сказать, обитательнице этого дома. Сейчас она лежала у пылающего очага, без сознания и связанная по рукам и ногам.

Мужчина прислушался. Ее дыхание стало более частым и глубоким, веки дрогнули.

– Вы очнулись? – спросил он.

Вместо ответа послышался слабый стон. Молодая девушка приоткрыла глаза и сразу же их закрыла. Мужчина наклонился над ней.

– Вы меня слышите? – поинтересовался он.

– Кто... Вы? – голос девушки прозвучал еле слышно. – Где – Матье?

– Он не придет.

– По... чему? – она побледнела и задрожала, словно предугадывала ответ.

– Сейчас он объясняется со своим отцом. – мужчина одним рывком оторвал ее от пола и усадил возле стены. – А так как объяснять ему придется слишком много... То могу сказать, он никогда не придет.

Молодая девушка вскрикнула от ужаса.

– Как вы нашли меня? – спросила она. – Неужели это Матье сказал где я?

– Вот именно, сударыня. – мужчина усмехнулся. – Ваш нынешний любовник не слишком-то храбр... Стоило только отцу за него взяться и он сразу все рассказал: и где вы припрятали украденные деньги, что вся семья Матье копила пятнадцать лет и о ваших дальнейших планах и, разумеется, о том, где вы сейчас пребываете.

Девушка вновь вскрикнула, но уже не от ужаса, а от отчаяния. Мужчина смотрел на нее, чуть прищурив темные глаза. Бледное лицо, с тонкими чертами и белокурые волосы, рассыпавшиеся по плечам, делали эту девушку похожей на ангела, юного и непорочного... Он горько усмехнулся.

– Отец Матье не стал сообщать властям где вы находитесь. – продолжал мужчина. – Его семья и так достаточно настрадалась по вашей милости. Тем более, он не хочет, что бы и его сын по той же причине оказался под судом.

– Но что тогда он хочет? – девушка слабо дернулась в своих путах. – Зачем он прислал вас?

– Я пришел сюда не по его желанию. – ответил мужчина. – А по своему. Вы тоже должны мне кое-что, сударыня.

– Но я вас совсем не знаю!

– Зато вы знаете моего брата. Жеана.

Девушка дернулась сильнее.

– Значит, вы пришли от него? – спросила она. – Но зачем тогда вы меня оглушили и связали?

– Затем, что хочу избавить себя от лишних хлопот. – ответил мужчина с той же горькой усмешкой.

– Хлопот?

– Я не хочу, чтобы вы сопротивлялись.

– То есть, вы пришли, чтобы... – голос девушки дрогнул и оборвался.

Мужчина бросил на нее презрительный взгляд, затем выпрямился и сложил руки на груди.

– Не беспокойтесь, сударыня, – проговорил он. – Я не намерен покушаться на вашу добродетель, пусть даже дважды утраченную.

– Тогда что вам нужно? – вспыхнула девушка.

– Мне нужно восстановить справедливость. – ответил мужчина. – Ради семьи Матье, которую вы обесчестили и обобрали, а так же ради моего брата и меня самого.

– Вы не имеете права меня судить!

– Верно, сударыня. Я не имею право судить, но в мои обязанности входит осуществлять приговоры.

– Вы – палач?

– Да. – невозмутимо подтвердил мужчина. – И я здесь, чтобы исполнить приговор над вами, Шарлотта Баксон. Или мне лучше называть вас – сестра Анна, потому что вы монахиня? Пусть беглая, но все же ваш обет остается в силе, не так ли?

– Если даже это так, если вы служите правосудию, то вы должны отвести меня в суд! – крикнула девушка. – Меня не судили и приговор мне не вынесли!

– Суд уже состоялся, сударыня. – заметил палач. – Над моим братом. Из-за вас его осудили, как вора. А вы были его сообщницей.

– Но я ничего не украла!

– У моего брата вы украли жизнь и доброе имя. – возразил мужчина. – И у меня вы украли не меньше. Ведь мне, как служителю правосудия, пришлось исполнять приговор суда. Вы знаете, что пришлось мне сделать, сударыня? Вы знаете?

Девушка снова забилась в своих путах, силясь вырваться, но эта ее попытка, как и предыдущие, была такой же тщетной.

– Отпустите меня! – взмолилась она. – Я не виновна! Я ничего не сделала!

– Не сделали? Вы – подговорили моего брата украсть имущество церкви, вы – не дожидаясь суда сбежали из тюрьмы, вместе с сыном вашего тюремщика, юношей, который ради вас украл деньги у своей семьи, вы – нарушили священные обеты, что дали не людям, но Господу нашему, и вы уверяете – что ничего не сделали?

Девушка в ужасе прижалась к стене.

– Обет я дала не по своей воле. – сказала она. – Меня заставили! Мои родные отказались от меня... А я была тогда еще ребенком.

Мужчина шагнул к ней, в ярости сжимая кулаки.

– Значит поэтому вы толкнули моего брата на преступление? – спросил он. – Значит, это из-за ваших родных вы убежали из тюрьмы с Матье, бросив в ней Жеана, чтобы он отвечал за преступление, которое совершил из-за вас?

– Но я не могла ему помочь!

– Вы были его сообщницей. – мужчина разжал кулаки. – Вы клялись моему брату разделить с ним его участь... Верно?

– Вы не можете этого знать!

– Мой брат сам сказал мне об этом. – лицо палача резко дернулось. – Он-то любит вас и верит вашему слову. Что ж, я заставлю вас его исполнить.

– Вы отправите меня обратно в тюрьму?

– Недавно вы сами изъявляли такое желание, сударыня. Когда думали, что я пришел убить вас... Или обесчестить.

– Негодяй! Ничтожество!

– Возможно. – мужчина отвернулся и устремил взгляд на огонь. – Если я приведу вас обратно в Лилль и отправлю под суд, то мой брат никогда мне этого не простит. Сейчас он думает, что вы любите его и ищите средства и возможность ему помочь. Ему и в голову не приходит, что вы о нем уже успели позабыть и у вас только одно намерение, уехать отсюда подальше с вашим новым любовником, с Матье!

– Так что вы намерены делать? – прервала его девушка.

Палач провел рукой по лбу и обернулся к ней.

– Я сделаю, то что сказал. Вы разделите участь моего брата.

– Вы хотите заставить меня по собственной воле отправиться в тюрьму?

– По собственной воле – вы туда не отправитесь. Не так я глуп, чтобы в это поверить, мадемуазель Баксон.

– Так что же вы хотите?

Мужчина бросил на нее мрачный взгляд.

– Моего брата я заклеимил, как вора. – проговорил он. – Вы получите тоже клеймо.

– Но я не воровка!

– Конечно. – палач стиснул зубы. – Вы во сто крат хуже! Вы – гнусная тварь, без чести и совести, которая толкает других на преступления, а сама остается в стороне. Я выжгу вам клеймо, и еще добавлю от себя двадцать ударов плетью, как уличной девке!

– Нет, не надо! Прошу вас, нет!

Мужчина не ответил. Он протянул руку к очагу и вытащил раскаленные щипцы. Увидев их, девушка в полуобморочном состоянии соскользнула на пол.

– Да свершится правосудие! – воскликнул палач.

Вскоре из этого маленького и унылого дома послышались дикие, иступленные крики. Они долго не смолкали, а когда все же, через какое-то время стихли, из дома, наконец, вышел мужчина в красном плаще и с мешком на плече. Даже не оглянувшись назад, он быстро пошел прочь, вытирая лицо и бормоча не то молитвы, не то проклятия. А в доме, у горящего очага, осталась лежать в беспомощности девушка, уже совершенно не похожая на ангела: избитая в кровь и полураздетая, с выжженной лилией на плече.

В Берри.

За окном сгущались сумерки. Молодая девушка со вздохом отложила в сторону книгу, поднялась и прошлась по комнате. Ее взгляд снова остановился на окне. "Уже поздно, – подумала она. – А его до сих пор нет! Что же могло произойти? Неужели нас все же выследили? Нет! Нет! Только не это!"

Девушка закрыла глаза, пытаясь успокоиться. В ту же самую минуту послышался скрип открываемой двери и звук знакомых шагов – похоже, тот кого она ожидала, с таким нетерпением, вернулся целым и невредимым... Она кинулась к нему навстречу.

– Наконец-то, ты вернулся! – проговорила девушка. – А я думала... Не случилось ли чего?

Новоприбывший, мужчина в одеянии католического священника, отрицательно покачал головой.

– Все в порядке, моя дорогая, – заверил он. – Просто я задержался в церкви. Дела, знаешь ли.

– Но ты обещал вернуться пораньше!

– Я и вернулся бы... Если бы не здешняя патронесса.

– Патронесса?

– Да, представь себе. Графиня де ла Фер. Удивительно милая и весьма настойчивая дама.

– Вот как?! – вспыхнула девушка. – Значит, она очень милая? Да еще и настойчивая? И на чем же она настаивала – скажи на милость?

– Анна!

– Не смей говорить мне о другой, слышишь? Не смей говорить, что она милая! Я этого не потерплю!

– Но, дорогая моя, ты надеюсь позволишь мне сказать, что этой... м-м... даме – уже под шестьдесят?

– Жеан! Ты просто негодяй! – воскликнула девушка и засмеялась.

Священник тоже повеселел: улыбнулся и взял ее за руку.

– Прости меня, – сказал он. – Но ты выглядела такой напуганной и такой подавленной, что я решил...

– Решил меня таким способом повеселить?

– Ну... Да.

– Спасибо большое! А теперь все же расскажи, что от тебя потребовалось этой милой и настойчивой старой ведьме?

– А что, как ты думаешь, требуют старые греховодницы? Все тоже самое, что обычно. Ну, а эта вдобавок, вцепилась в меня, чтобы поведать о сборах урожая и фамильных связях. Ужас, да и только! Я просто не знал куда от нее деваться.

– Тебе следовало рассказать о моей болезни и бежать сюда!

– Бежать? Да ведь эта дама вполне была в состоянии увязаться за мной. И, кстати, Анна, она выразила желание тебя увидеть, на следующей службе.

– Как мило с ее стороны! Что же ей нужно от меня?

– Думаю, ничего. Ее просто гложет любопытство увидеть новое лицо. Насколько я могу судить, графиня изнывает тут от скуки, да к тому же она очень мало довольна своим сыном.

– Сыном? – Анна нахмурилась. – Ах, да! Ты имеешь в виду молодого графа?

– Молодого? – переспросил ее священник. – Что ты, Анна? С чего ты взяла, что он молодой?

– Ну... Так про него все говорят.

– Все? Кто?

– Да мало ли кто? Та же наша служанка, мадам Одетта.

– Ничего себе, нашла молодого! Этому молодому уже двадцать пять лет исполнилось, месяц назад!

Анна изумленно посмотрела на своего собеседника.

– Двадцать пять? – повторила она. – Так много? Но почему его тогда называют молодым?

– Скорей всего, по привычке. Старый граф умер два года назад. А этот... Его единственный наследник, к тому же неженатый.

– Неженатый? До сих пор?

– Представь себе, милая. Что поделать – граф, человек с большими странностями и здешние дворяне воспринимают его странности весьма неодобрительно.

– И что это за странности?

– Ну, например, он выписывает книги из Италии. Да еще их читает!

– А разве это плохо?

– Думаю, что да, если речь идет о количестве. К тому же следует думать о том, что читаешь. Как тебе понравится, милая Анна, десять лет назад этот книголюбивый взял и воспылал любовью к статуе языческой богини, которую его отец привез из той же Италии и поставил в своем саду.

– Жан... То есть, Жозеф, ты шутишь?

– Увы, нет! Подумать только, дорогая, он проводил возле этой статуи дни и ночи, мечтая, что она оживет. Старый граф решил, что его сын сошел с ума и сам заболел от горя. Вместе с графиней. Тогдашний священник еле смог его образумить. Объяснил этому любителю книг, что он грешит, поддаваясь языческим суевериям и того гляди погубит свою бессмертную душу. Молодой человек вроде опомнился, но, к сожалению, читать не перестал. Да и история эта получила огласку и очень ему повредила.

– Чем же она ему повредила?

– Хотя бы тем, что после этой истории брат графа разорвал с ним помолвку своей дочери. Не стал рисковать ее будущим и выдал за другого, не смотря на то, что девушка вроде была равнодушна к своему кузену и жениху. Но ты сама понимаешь, милая Анна, что связаться с таким человеком очень рискованно. Если он способен влюбиться в камень, то что еще от него ожидать?

– Ну... – Анна снова засмеялась и кокетливо покачала головой. – В следующий раз, он чего доброго влюбится в змею, которая под камнем лежит и будет ждать когда она сбросит кожу и превратиться в очередную языческую богиню.

– Да, пожалуй. С него станется. – священник улыбнулся ей опять. – Но, как бы там не было, я все же рад, что мы имеем дело с такими глупцами. С другими было бы сложнее.

– Почему ты так думаешь?

– Не нравятся мне наши бумаги, моя милая, – священник перестал улыбаться и выпустил руки девушки из своих рук. – Да и церковь не самое лучшее для нас место.

– Но разве ты не говорил, что искать в ней нас будут в последнюю очередь?

– Верно. Я другого боюсь... – священник запнулся и побледнел. Девушка побледнела тоже.

– Так чего же ты боишься? – спросила она.

– Случайностей. – тихо ответил тот. – Случайностей, дорогая. Что если сюда приедет какой-нибудь монах, который знает настоящего отца Жозефа? Что будет, если кто-то из здешних повес начнет домогаться твоей благосклонности, а его родня решит вмешаться и напишет епископу, чтобы меня перевели в другой приход? Да мало ли что еще может случиться!

– Знаешь, Жеан, с монахами ты разбирайся сам! – вспыхнула девушка. – А что касается поклонников, то можешь не беспокоиться, я их всех поставлю на место!

– Анна!

– Что – тебе?

– Прошу тебя, не сердись! И не расстраивайся так. Я не хотел сказать ничего обидного. Просто ты такая красавица... Что не один мужчина не сможет быть к тебе равнодушным.

– Жеан, не один из этих мужчин, или повес, как ты говоришь, не захочет на мне жениться! – с горечью и возмущением воскликнула Анна. – Ведь кроме красоты у меня нет ничего! Ничего!

– Анна, ты сама сокровище, – священник снова взял ее руки, поднес к губам и поцеловал.

– Только для тебя, – проговорила девушка. – Только для тебя одного. О, Жеан... Сколько же это еще будет продолжаться? Сколько нам еще скрываться и прятаться?

– Недолго, любимая, – священник прижал ее ладони к своему лицу. – Скоро мы уедем из Берри и из Франции. Туда, где нас никто не знает и где нас не будут искать. Мы будем богаты и счастливы, поверь мне!

– Я верю. – девушка прижалась к нему и закрыла глаза.

Какое то время им было не до разговоров. Потом Анна оторвалась от своего любимого.

– Подожди, – проговорила она. – Что ты говорил по поводу завтрашней службы?

– Я обещал, что ты придешь, если почувствуешь себя лучше...

– А если – нет?

– Анна!

– Если я так и не почувствую себя хорошо? – девушка капризно надула губы. – Ах, дорогой мой, неужели это так необходимо? Встретаться с какой-то старой ведьмой и с помешанным книгочеем!

– Придется с ними встретиться, милая, – вздохнул священник. – Что поделаешь! Ведь этот помешанный – полновластный хозяин этих мест и не следует оказывать ему неуважение. Да и его матушка все же очень ми... Хорошая женщина.

– На хороших женщин я и в монастыре насмотрелась, – поморщилась Анна.

– Понимаю, моя дорогая. Но тебе надо пойти.

– Только ради тебя, Жеан. – заверила его девушка. – Но я уверена, ты еще очень пожалеешь, о том что настоял на этом!

Священник улыбнулся. Однако улыбки Анна не увидела. Потому что за окном и в комнате уже стало окончательно темно.

Ничего не случится.

Ничего не случится. Разве что она опять промочит ноги в осенних лужах, разве что молодые девушки из знатных семей при ее появлении опять скривят губы и во время проповеди будут упорно изучать свои молитвенники, а он... Заметит ли он сегодня ее появление? Или нет?

Она поднимает голову и смотрит на него. Он здесь, рядом, такой прекрасный, такой благородный и ей кажется, что прямо сейчас он подойдет к ней, улыбнется и тогда... Что тогда? Неужели такое возможно? Нет! Он не только прекрасен и благороден. Он так же принадлежит к богатой и знатной семье и в один прекрасный день он уйдет отсюда под руку с одной из этих девушек. Одна из них, в самое ближайшее время, станет его женой, а она...

Она будет уже далеко. Она будет с другим, которому уже принадлежит и она все забудет. Она забудет, как спешила увидеть его, не взирая на холод и дождь, забудет, как при одном его появлении неистово билось ее сердце, она забудет его лицо, его глаза, его улыбку. А пока... Пока она снова смотрит на него. И верит, что ничего не случится.

Предложение.

Служба закончилась рано. Церковь быстро опустела, в ней остались только молодой мужчина, по виду дворянин, и сам священник. Последний тоже был еще молод, но в отличии от дворянина отнюдь не выглядел таковым: худой и бледный, с рано поседевшими волосами, он производил впечатление зрелого человека. Впрочем, для священника это было достоинством, а не недостатком.

– Отец Жозеф, вы можете уделить мне время? – спросил его молодой дворянин. – Это очень важно для меня... И вашей сестры.

– Для моей сестры? – священник оглядел его с каким-то недоумением.

– Да.

– И что же, ваше сиятельство, должно быть столь важным для моей сестры, девушки очень скромного положения, и вас, одного из самых знатных и богатых дворян в Берри?

Его собеседник слегка покраснел.

– Именно об этом я и хотел поговорить с вами. С недавнего времени я люблю мадемуазель Анну. И полагаю, вы должны знать о моих чувствах.

Недоумение священника стало еще более явным.

– Вы полагаете?

– Отец Жозеф, – с достоинством произнес молодой дворянин. – У меня и в мыслях нет обидеть вас и вашу сестру. Поэтому я и пришел к вам. Мои намерения...

– Ваше сиятельство, – прервал его священник. – Вы не можете жениться на моей сестре. Так что не о каких серьезных и благородных намерениях вы говорить не можете. А что до других – то выслушивать их здесь и от вас – я не намерен.

– Но у меня нет других намерений! – воскликнул дворянин. – Я не намерен поступать бесчестно. Я хочу жениться на Анне, не взирая на ее положение. И я прошу на это вашего согласия.

Отец Жозеф смертельно побледнел.

– Но, ваше сиятельство... Что скажут ваши родные? Ваша мать?

– Моя мать умирает, отец Жозеф.

– То есть... Вы с ней даже не говорили, ваше сиятельство?

Молодой дворянин отрицательно покачал головой.

– Я знаю, она не одобрит мое решение, отец Жозеф. Так зачем мне говорить и расстраивать ее, когда... ей так мало осталось жить?

Отец Жозеф тяжело вздохнул.

– Что бы брак был счастливым нужно благословение родителей. – сказал он. – И, конечно же, равное положение обоих супругов. А вы не хотите считаться ни с чем.

– Значит, вы отказываете мне?

– Да, отказываю. – священник отвернулся и направился к выходу.

Молодой дворянин бросился за ним.

– Пойдите, отец Жозеф! Пойдите! Я понимаю ваши доводы, я понимаю, что сейчас вы сказали мне, что подобает вам, как священнику, но прошу вас, передумайте, ради вашей сестры, ради Анны.

Священник обернулся. Лицо его стало еще бледнее.

– Я говорил вам о своих чувствах и своих намерениях. – продолжал дворянин. – Но не о вашей сестре. А ведь она меня любит!

– Анна?

– Да. Она любит меня. И если вы откажете мне, то разобьете ей сердце.

– Она вас любит?

– Да, отец Жозеф. С первой же нашей встречи. – под пристальным, горящим взглядом священника молодой дворянин опустил глаза. – Она... Не поощряла меня, нет. Однако, Анна еще так молода, что ей трудно скрывать свои чувства. Неужели вы станете осуждать ее за это?

– Нет, не стану. – в тоне священника явно послышалась горечь. – Это в природе женщины нести в мир соблазн. Но вы, ваше сиятельство, мужчина, а не юноша и вы достаточно разумны, чтобы понимать насколько чувства моей сестры... неуместны.

– Неужели вы считаете, отец Жозеф, что меня нельзя полюбить?

– Граф, вы обладаете всеми достоинствами человека вашего возраста и положения, однако, моя сестра вам не ровня. Вот почему ей не подобает любить вас. А вам не следует отвечать на ее чувства.

– Отец Жозеф, вы не должны говорить так. Ваша сестра – не простолюдинка. Разве Анна – не благородного происхождения? Разве она не получила образования и воспитания, как подобает девушке из рода де Бейль.

– Как? Она рассказала вам о своей семье?

– Да.

– Но она вряд ли сказала вам, какое отношение проявляла к ней ее семья, из-за брака ее матери. Они никогда не признавали Анну и обходились с ней очень плохо.

– Я знаю, что вы единственный, кто любил ее и заботился о ней. Вы – ее семья и я прошу вас, отец Жозеф, подумайте о моем предложении. Анна любит меня – и я могу дать ей то, в чем ей отказали ее родные и что вы никогда не сможете ей дать: любовь, положение в свете, богатство, наконец! Или вы полагаете, что ваша сестра этого недостойна?

Отец Жозеф опустил голову.

– Я... подумаю. – еле слышным голосом проговорил он.

Молодой дворянин поклонился и вышел.

Священник какое-то время стоял неподвижно, потом вздрогнул и тем же еле слышным голосом проговорил:

– Если она сама этого хочет... Если ты хочешь, Анна. Анна...

Молодой дворянин – граф де Ла Фер.

Супружеские ночи.

Граф де Ла Фер не любил ночь.

Летом, правда, его не любовь немного смягчалась, хотя бы потому, что в это время года ночь наступала поздно. К тому же, с недавних пор, ее приближение сулило графу радость и блаженство, так что за последнее ему стоило многое простить и ночи и Анне.

Анна! Граф повторил про себя имя жены и улыбнулся. Ему не за что было ее прощать. Анна – самая прекрасная жена на свете, а кроме того, она его возлюбленная: нежная, пылкая и полная очарования. Богиня, о которой он грезил еще ребенком, в развевающихся и легких покровах на беломраморном теле... И с непостижимой и таинственной улыбкой на лице, из такого же мрамора, сияющего белизной.

Граф вздохнул. В последнее время ему очень хотелось увидеть Анну, в образе воплощенной богини из его грез, но каждый раз он подавлял свое желание. Не смотря на всю любовь к мужу, графиня вряд ли бы поняла и одобрила подобное, так что ему оставалось только молчать... И вкушать только то, что дозволено – давними обычаями и добрыми нравами.

Взгляд графа остановился на часах. Времени, до одиннадцати часов, оставалось немного. Скоро он отправится к жене и тогда...

"Это похоже на сказку о Галатее, – мелькнула у него запоздалая мысль. – Встречи и объятия во мраке ночи и прощание при свете дня. Но Анна и днем остается со мной. Моя Анна, теперь навсегда моя!"

Граф закрыл глаза. Ночной воздух был прохладным и ароматным. С первых дней замужества, Анна полюбила благовония и ароматные масла, и теперь пользовалась ими каждую ночь. Ему это тоже нравилось. Он часто рассказывал жене о давних и великих временах короля Франциска Первого, о тогдашних благородных дамах, которые ухаживали за собой очень тщательно и отличались редкой изысканностью... И граф был рад, что его жена, так предупредительна и так изыскана.

В то же самое время, графиня де Ла Фер внимательно изучала себя в зеркале. Свечи почти не рассеивали мрак в ее спальне, но даже их света ей вполне хватало...

Анна устало потянулась в кресле. Тени под глазами, набухшие вены на руках, все те же тонкие полоски на запястьях! Масла и притирания, помогают, увы, не на долго. Муж, конечно, ничего не видит, но служанки! Женщины в таких делах разбираются очень хорошо. Сколько же еще она сможет их дурачить?

Анна вздохнула и пододвинула поближе баночку с кремом. К сожалению, возраст не был ее единственной проблемой. Да и проблемой ли? Стоит только ей родить ребенка и никто из тех же служанок не станет удивляться, что она изменилась! Очень часто роды меняют женщину до неузнаваемости и чаще всего – именно в худшую сторону. Так что, если она станет выглядеть старше, то есть, как раз на свой возраст, то все сочтут подобную перемену вполне естественной.

Что же до другой проблемы...

Решить ее стоило, пожалуй, до рождения ребенка. Ведь мало ли что может произойти во время и после родов! А что если, после, она заболит и заболит серьезно? Что будет тогда?

Что?

Анна обмакнула пальцы в крем и провела ими по обнаженному плечу. Времени оставалось немного, однако его должно было хватить. Крем впитывался быстро. Вот только полностью разрешить ее проблему он не мог. Клеймо по прежнему оставалось на своем месте, оно не исчезало, а только тускнело... Увы!

Наконец, все было кончено. Анна встала и потушила свечи. В наступившей темноте она чувствовала себя спокойной, уверенной и счастливой. Ведь когда не можешь чего-то видеть, значит можно считать, что этого "чего-то" и нет. Не так ли?

Вот если бы, ночь никогда не кончалась! Вот если бы она могла забыть обо всем и не о чем не думать! Вот если бы... Если бы...

Анна отмахнулась от ненужных мыслей. Ее муж скоро придет, а с ним вместе придет и радость и счастье и блаженство!

Графиня де Ла Фер любила ночь.

Это она.

То утро в Берри было прекрасным и день обещал остаться таковым: ярким, радостным, наполненным теплом и светом. Граф де Ла Фер и его гости, собравшиеся во дворе замка, тоже пребывали в прекрасном настроении и выглядели при этом не менее ярко и не менее радостно, чем солнце на небе.

Френсис Винтер или Шеффилд (он пользовался здесь вторым именем) только вздохнул. Он один, среди этих радостных людей, ощущал какую-то подавленность. Может быть потому,

что был здесь чужим, а может потому, что он действительно был одинок... Во всех смыслах этого слова.

– Вы, похоже, скучаете, сударь? – спросил его граф. – Или Вы не любите охоту?

– Ну, что Вы, граф! – ответил Френсис. – Просто вчера я не рассчитал свои силы во время игры и устал. Увы! Не все молоды, как Вы и не все, как Вы, счастливы.

– Но Вы отнюдь не стары, барон. А что до счастья, то оно, приходит ко всем, рано или поздно.

– Боюсь для меня уже слишком поздно.

– Почему же? Вы свободны, Вы носите достойное имя, и сами Вы человек достойный и благородный, так неужели Вы не встретите женщину, которую полюбите и которая полюбит Вас?

– Вряд ли я могу надеяться на это, граф, – Френсис печально покачал головой. – Я не встретил такую женщину, когда был молод и вряд ли встречу сейчас. Как видно, для меня любовь – это лотерея, а в лотарее почти всегда проигрываешь.

– Но ведь можно и выиграть!

– Я не столь удачлив, в отличии от Вас. – Френсис улыбнулся, но его улыбка была невеселой.

– Вам не стоит так судить обо мне, сударь, – возразил граф. – Еще год назад я был уверен, что не полюблю никогда.

– И что же?

– Что же? – переспросил граф. – О! Теперь я люблю и поверьте, очень счастлив.

– Я Вам верю, граф. И желаю Вам всегда оставаться столь же счастливым.

– Благодарю Вас за добрые слова, барон, – граф слегка наклонил голову. – И Вам я желаю того же. Дай Бог, что бы Вы встретили женщину, прекрасную и достойную, и чтобы Ваше сердце, наконец, сказало: "Это она!"

– С Вами так и случилось, господин граф?

– Да, именно так и случилось. С самой первой нашей встречи, я понял, что могу любить только ее... И только ей могу отдать свою жизнь и свое имя.

Тут Френсис заметил, что гости графа переглядываются – смущенно и растерянно. Он не придал этому значения, ведь в конце концов, их разговор был излишне откровенным. И к тому же среди гостей появилась женщина.

Она шла неторопливо, но легко и грациозно. Стройная, изящная, одетая в серо-голубое платье и с серебристо-белокурыми локонами, распущенными по плечам. Ее лицо, обращенное к графу, было воистину прекрасным: нежная кожа отливала белизной, подобно жемчугу, голубые глаза сияли, так же ярко и радостно, как летнее небо...

– Имею честь представить Вам графиню де Ла Фер, – голос графа прозвучал, как удар грома.

Френсис учтиво поклонился. По счастью, гости тоже поспешили с изъявлениями учтивости, и граф не заметил насколько сильно побледнел его недавний собеседник. Впрочем, и того, что его пожелание осуществилось, он тоже не заметил. А Френсис Винтер смотрел на юную женщину и сердце его говорило то же, что и графу де Ла Фер: "Это она!"

Последний день.

Дом Френсиса Винтера в Шеффилде не был ни слишком большим, ни слишком роскошным. Однако лорд все же любил его, хотя в последние годы приезжал сюда редко и задерживался не долго. Но теперь это должно было измениться.

"Я никуда больше не уеду, – подумал он. – Здесь я родился и вырос, и мой сын тоже будет жить здесь со мной и с Анной. Завтра кормилица привезет Джона... А когда он будет с нами, то мы станем настоящей семьей. Для него. И для себя."

Френсис вздохнул. Со дня приезда в Шеффилд, его жена жаловалась – непрерывно и на все. Он старался не замечать ее жалоб, опять-таки – ради себя и ее. Давалось это тяжело, но ведь давалось! Не смотря ни на что...

Френсис снова вздохнул и постарался отогнать непрошенные мысли. В конце концов, прошлое осталось в прошлом. Оно никогда не вернется, а в настоящем и в будущем – они всегда будут вместе. А главное – с ними теперь всегда будет Джон. Их сын. Наследник его имени. И его единственная надежда на новую жизнь...

"Как только Анна увидит своего ребенка, – размышлял Френсис. – То она сразу же изменится! Она забудет обо всем, забудет Бэкингема. И мы опять будем счастливы. Как были когда-то."

Он закрыл глаза. Но даже с закрытыми глазами, он видел свою жену: неизменно прекрасную и неизменно любимую.

– Анна, – прошептал он еле слышно. – Моя дорогая, моя единственная... Вернись же, наконец, ко мне!

Зима и Весна.

Ее имя напоминает ему о Рождестве, а она сама похожа на прекрасную фею Зимы, о которой он грезил в детстве. Нежная, белая кожа, пышные локоны волос, отливающие серебром, блеск ее глаз, порой ослепительно-холодный, как лед – пробуждают эти грезы и рядом с ней он чувствует себя, словно в сказке. А сказка всегда прекрасна и всегда приводит героев к счастью. Разве нет?

Он улыбается. Должно быть потому, что не помнит конец этой сказки. Он забыл, что в ней фея исчезла вместе с последней метелью, а герой так и не смог обрести счастье. Да, так иногда бывает, даже в волшебных сказках. Но он не хочет вспоминать о плохом конце, когда видит перед собой прекрасную фею Зимы... Леди Кларик, графиню Винтер.

А потом появляется Она.

Он смотрит на ее дивные руки, в пене легких и дорогих кружев, на ее волосы, словно переплетенные с солнечными лучами, заглядывает ей в глаза, ясные и яркие, похожие на весеннюю листву – и сердце его трепещет от восторга. Фея Зимы исчезает из его сердца, словно снег под лучами жаркого солнца... Но по другому, иначе, разве может быть? Разве может?... Ведь весна – это жизнь, весна – это радость, весна – это все, чем живет любое существо, а тем более, человек! Он никогда не сможет и никогда не захочет от нее отказаться. Жизнью своей, спасением своей души, не говоря уже обо всем остальном, он согласен пожертвовать ради нее. Королевы Весны... Королевы Анны Австрийской.

Почему?

За окном сгустились сумерки. Молодая женщина поднесла руку к свече, чтобы погасить ее пламя и вскрикнула от неожиданного прикосновения. Ни от расплавленного воска или самого пламени, а чьих-то горячих пальцев.

– Ах, это вы, Френсис! – воскликнула она, оборачиваясь. – Как же вы меня напугали!

– Нам надо поговорить. – вошедший был уже немолодым мужчиной, но выглядел еще достаточно статным и привлекательным.

– О, конечно. – откликнулась женщина, смерив его взглядом достаточно далеким от готовности. – Однако, не кажется ли вам, мой дорогой, что уже поздно... А я так устала! Этот вчерашний бал в честь отъезда его светлости в Лондон, был таким утомительным.

– Поэтому вы и не спали после него?

– Я не люблю спать днем, вы же знаете. И с вашей стороны, не хорошо забывать об этом и приходить ко мне, зная, что я устала и не в состоянии вести долгую беседу.

– Не думаю, что наша беседа будет долгой, моя дорогая Анна. – мужчина улыбнулся, причем настолько странно и натянуто, что женщина сразу же насторожилась.

– О чем вы хотите поговорить? – спросила она, отходя от окна.

– Я хотел бы поговорить о вас. И о милорде Бекингеме.

– Френсис, помилуйте! Если до вас дошли какие-то слухи, то уверяю вас, они совершенно беспочвенны и боюсь, несколько стары.

– Значит, поэтому вы плакали сегодня из-за его отъезда?

– С чего вы взяли, что я плакала? – женщина резко вскинула голову. – Я никогда не плачу!

– Я вижу, как покраснели ваши глаза и как вы расстроены. – мужчина шагнул к ней. – Я так же знаю о том, что слухи о вашем романе отнюдь не беспочвенны. А что касается срока давности, то не далее, чем за три дня до отъезда его светлости, вы были у него в кабинете и провели там почти три часа. Надо полагать, за дружеской беседой?

– Вы следили за мной? – женщина бросила на своего собеседника растерянный взгляд.

– Да, следил. – подтвердил мужчина. – Вы моя жена, Анна! Вы забыли об этом?

– То есть, вы шпионите за мной и полагаете, что имеете на это право?

– А чего вы ожидали? – мужчина улыбнулся все той же пугающей улыбкой. – Я хочу знать где вы бываете, и что делаете, если вы, в последние полгода, так стараетесь избегать меня.

– Френсис, я вовсе не...

– Анна, прошу вас, не лгите! Мне это невыносимо. Я знаю ваши доводы наизусть: вы недавно родили ребенка, вам нездоровиться из-за этого и из-за наших постоянных переездов, светские обязанности и приемы утомляют вас настолько, что вы чувствуете себя усталой и разбитой, хотя я не могу припомнить, чтобы во Франции, в пору вашего первого замужества, нечто подобное вас так утомляло. Я конечно, не говорю о ребенке. Хотя вам не мешало бы вспомнить о нем какнибудь иначе.

– Иначе?

– Я не припоминаю, чтобы вы изъявляли большое желание его увидеть. Но, пожалуй, именно это вам и нужно сделать. Через неделю я увезу вас в Шеффилд и больше ноги моей не будет в Лондоне.

– Как? Вы намерены жить в этом захолустье? – вспыхнула женщина. – Вы хотите, что бы я никогда...

– Вот именно. Я хочу, чтобы вы никогда не видели вашего любовника.

– Я... Вы...

– Оставим это. – мужчина отвернулся. – Я больше не намерен говорить о том, что было. К тому же, как видите, я обращаюсь с вами отнюдь не так, как обычно обращается с неверной женой обманутый муж.

Молодая женщина смертельно побледнела.

– Значит вы твердо решили увезти меня в Шеффилд? – спросила она.

– Анна, я думаю, вам тоже следует какое-то время провести в тишине и покое. – мужчина по прежнему стоял отвернувшись и она не видела, что в его глазах блестят слезы. – Возможно, тогда вы поймете, что ваша любовь к герцогу была прискорбной ошибкой. Возможно, что ради сына, вы вспомните, что у него есть отец... Который любит и его и вас. Неужели вам мало этого? Неужели вы ничего не чувствуете ко мне, даже благодарности, за то, что я для вас сделал? Анна, опомнитесь! О, боже, да неужели вы не видите, что я люблю вас, люблю как никто и никогда не будет любить? Так почему вы не любите меня, Анна?

Почему?

Дворец его светлости лорда Бекингема в Лондоне, поражал своими размерами и роскошью. Даже эта комната, пожалуй самая маленькая и расположенная далеко от покоев герцога выглядела впечатляюще: мраморный камин, персидский ковер на полу и стены украшенные дорогими картинами.

Женщина в темном платье, подошла к камину и протянула к огню руки. Ее била дрожь, но не от холода, а совершенно по другой причине. И причина эта не совсем не торопилась появляться.

Наконец, за дверью послышались шаги. Дверь распахнулась и в комнату вошел герцог.

– Дорогая баронесса, – сказал он. – Я так рад вас видеть.

– Ваша светлость... – начала было она и умолкла. Вопреки словам герцога на его лице не было и следа радости.

– Но вам не стоило так поспешно приезжать в Лондон. – продолжал он. – Ваш муж скончался совсем недавно и вам не стоило настолько пренебрегать приличиями и приезжать сюда.

– Я писала вам. – женщина стиснула руки. – Но, видимо, вы не получали моих писем. И я стала беспокоиться, что возможно... они были перехвачены, чтобы скомпрометировать вас и меня.

– У вас слишком богатое воображение, баронесса. – улыбнулся герцог.

– Иными словами – вы получили мой письма?

– Да.

– Почему же тогда... Вы не ответили мне?

– Надеюсь, вы не забыли, что я первый министр? В последнее время я был очень занят.

– Я полагаю, на охоте и у жены французского посланника?

– Дорогая баронесса, вы же знаете цену подобным сплетням! Зачем тогда вы их повторяете?

– Джордж, я не придаю значения сплетням. Но когда вы ведете себя настолько неосторожно, что вас видят все...

– Надо полагать вы тоже входите в число этих всех?

– О, прошу вас не говорите так со мной! Вы не понимаете, как мне больно это слышать от вас.

– Моя дорогая Анна, вы взялись за мной шпионить и еще просите меня о жалости?

– Джордж, возможно, вы правы, возможно я поступала ужасно и неправильно, но подумайте в каком положении я оказалась! Мой муж узнал все. Он увез меня и намеревался всю жизнь держать в Шеффилде, вдали от Лондона и... Вас. Я уже не говорю о его постоянных домогательствах!

Герцог усмехнулся, словно услышал довольно забавную шутку.

– Да, конечно. Я понимаю, насколько это невероятно, когда муж начинает домогаться собственную жену. Тем более в такой глуши, где нет других развлечений.

– Не шутите так, дорогой! Неужели вы не понимаете, как тяжело воспринимать подобные домогательства если любишь другого?

– К счастью, дорогая баронесса, эти домогательства вам пришлось терпеть не долго. Ведь ваш муж так быстро умер! Настолько быстро, что у его брата даже сомнения появились, болезнь ли была тому причиной?

– Я вас не понимаю.

– Надеюсь, что не понимаете. Но лорд Винтер так настроен против вас, что заявляет об этом направо и налево. Вам следует быть очень осторожной, дорогая моя, и заботиться о своей репутации. Если сейчас пойдут слухи о наших отношениях, то вы понимаете, какой это вызовет скандал?

– Но разве вам не все равно, что о вас говорят?

– Разумеется, нет! Мне совсем не хочется, чтобы меня называли отравителем или тайным убийцей. И вам бы следовало задуматься – а нужно ли вам, чтобы о вас говорили подобные вещи? Вспомните, что у вас есть сын, и если вы компрометируете себя, то компрометируете и его!

– Но разве мы не можем вести себя достаточно осторожно? Я понимаю, что нам незачем выставлять нашу связь напоказ, пока жива ваша жена.

Герцог побледнел.

– Так значит... Это правда? Ваш муж умер... Не от болезни?

– Джордж, если вы спрашиваете меня об этом и спрашиваете таким тоном, значит вы меня уже не любите.

Герцог какое-то время смотрел на нее, потом отошел к окну и стал смотреть на улицу.

Молодая женщина протянула к нему руки:

– Джордж, вы единственный мужчина, которого я любила и люблю. Никого я не смогу полюбить сильнее, чем вас и ни одна женщина не полюбит вас, так как я. Так почему же вы не любите меня? Почему?

Родственники.

Однажды в июне, около трех часов утра, из особняка госпожи де Гиз, вышли двое людей. Один из них был высокий и темноволосый мужчина лет сорока, одетый в костюм фиолетового цвета, другой – такой же высокий и темноволосый, отличался более роскошным одеянием и выглядел не старше двадцати пяти лет.

– Ваше сиятельство, – обратился он к темноволосому мужчине. – Я полагаю, что письмо, которое вы сейчас получили действительно стоит того, чтобы покинуть этот дом в этот час.

– Да, мой дорогой племянник. – ответил ему тот. – Мне очень жаль, но это именно так.

– Нас вызывает его высокопреосвященство?

– Нет. – на губах у темноволосого мужчины появилась улыбка. – Но дело, тем не менее, очень важное. Его следует немедленно обсудить, так что соблаговолите отправиться вместе со мной.

Молодой человек подчинился. Они сели в карету и – уже без разговоров – добрались до другого особняка, не такого роскошного, как тот, что они покинули и не столь еще известного. После недолгого стука, заспанный привратник открыл им дверь. Все так же сохраняя молчание, эти двое прошли в дом, миновали коридор и оказались в небольшой комнате, очень напоминавшую библиотеку. Мужчина скользнул взглядом по шкафам, доверху заполненным книгами и устало опустился в кресло.

– Садитесь и вы, граф. – сказал он. – Боюсь, что разговор у нас будет долгим.

Молодой человек поспешил воспользоваться приглашением.

Его родственник какое-то время задумчиво смотрел на него, потом вздохнул и укоризненно заметил:

– Мне очень жаль, что приходится вам говорить о подобных вещах, граф, но на сегодняшнем балу вы вели себя... недопустимо.

Молодой человек заметно покраснел.

– Ваше сиятельство, – сказал он не слишком уверенно. – Я вас не понимаю.

– А я, полагаю, что вы напротив, меня очень хорошо понимаете. – возразил его собеседник. – Ведь речь идет о графине Винтер.

– Дядя! – румянец на щеках молодого человека стал еще заметнее.

– Дорогой племянник, я все понимаю, – продолжал тот. – Вы недавно в Париже и недавно приняты в свете, но все же вам стоит быть более сдержанным и не показывать так явно своих чувств. Иначе вы восстановите против себя всех дам, да и саму графиню.

– Значит, вы хорошо знаете ее, ваше сиятельство?

– Да. – вздохнул мужчина. – Я даже бываю у нее иногда... По поручению его высокопреосвященства.

– По поручению?

– Да, племянник. Эта женщина выполняет некоторые и весьма щекотливые поручения господина кардинала. – граф умолк, затем усмехнулся и вкратчиво спросил. – Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, конечно. – румянец на щеках молодого человека сменился бледностью.

– Графиня – очаровательная женщина, – тем же тоном продолжал граф. – Она так же достаточно богата и достаточно знатна – даже принята во дворе. Но вас, наследника графов де Вард она не достойна.

– Дядя!

– Постарайтесь держаться от нее подальше, мой дорогой племянник. – Это будет самым лучшим решением, о котором вы никогда не пожалеете.

Молодой человек не смог подавить тяжелый вздох.

– Но я уже жалею, ваше сиятельство. – сказал он. – Как только думаю об этом. И поэтому прошу вас представить меня графине.

– Вы хоть понимаете, к чему это может привести?

– Да, понимаю. Скорей всего, графиня будет не в восторге и сама откажет мне от дома. Но, по крайней мере, я должен извиниться перед ней за свое недопустимое поведение.

– А что вы станете делать, дорогой племянник, если она примет ваши извинения и захочет продолжить знакомство?

– Неужели? – голос молодого графа дрогнул. – Неужели это возможно?

– Вполне возможно, – подтвердил его родственник. – Графиня Винтер, помимо всего прочего, очень умна и на данный момент совершенно свободна.

– Что вы хотите этим сказать, дядя?

– Только то что сказал. – пожал плечами немолодой граф. – Ее муж скончался два года назад, при весьма подозрительных обстоятельствах, а так как постоянного любовника у нее нет, то значит она снова рассчитывает вступить в брак.

– Вы уверены в том, что говорите?

– Уверен. И именно по этой причине, я не представлю вас графине.

Какое то время они молчали. Но вскоре молодой граф заговорил снова:

– Ваше сиятельство, могу ли я просит вас об одной услуге?

– Да, разумеется. – отозвался его родственник. – Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы вы выяснили, как именно умер муж графини.

– Вы полагаете, это будет так легко?

Молодой человек снова вздохнул.

– Я полагаю, что нет. Но, дядя, если мне придется отказаться от графини Винтер, то я сделаю это хоть на каком-то основании... А не из-за пустых подозрений.

– Но разве вам недостаточно того, что есть? – удивился граф. – Разве ее нынешнее положение шпионки и ее соответствующее поведение – для вас недостаточный повод отказаться от дальнейшего знакомства?

– А разве я не выполняю достаточно щекотливые поручения его высокопреосвященства? – заметил де Вард. – Разве вы – не поступаете так же? Графиня служит короне и Франции, так неужели нам упрекать ее за это?

– Вам не следует забывать, что мы – мужчины. – хладнокровно возразил граф. – И то что подобает нам, не подобает женщинам. Вы – отпрыск знатного рода и можете получить в жены – самую родовитую, самую красивую и самую юную девушку... Чистую и целомудренную в придачу. Так зачем вам предлагать свою руку и свое имя женщине, которая уже побывала замужем и лет через пять превратиться в старуху? И которая к тому же отнюдь не отличается чистотой и целомудрием?

– Но я не видел ни одной девушки, прекраснее, чем леди Анна! И, я уверен, что ни кто, кроме нее, не сможет сделать меня счастливым.

– Вы совсем потеряли голову, мой юный друг.

– Нет, граф, поверьте, это не так. Я люблю миледи Винтер, но я вовсе не потерял голову, как вы только что сказали. Ведь именно поэтому, что я рассуждаю здраво, я попросил вас узнать о покойном муже графини и об обстоятельствах его смерти.

Граф задумался.

– Пожалуй, вы правы. Стоит выяснить все обстоятельства этого дела, да и изучить родословную прекрасной графини – тоже будет не лишним.

– Значит, вы все же согласны мне помочь?

– Ну, конечно, я согласен! Неужели вы сомневаетесь во мне? Я ведь обещал вашим родителям заботиться о вас и помогать вам, и, разумеется, я сдержу свое слово. Но я попрошу, чтобы и вы, тоже кое-что мне пообещали.

– Что же вы хотите, чтобы я пообещал?

– Пообещайте мне не видеться с графиней, пока я не получу всех сведений на ее счет.

– О, да, дорогой дядя! Клянусь, что до того дня я больше не увижу графиню. Только, умоляю вас, сделайте все, чтобы тот день скорее наступил!

Граф улыбнулся и пожал ему руку. Де Вард с радостным сердцем и не менее радостным лицом покинул дом своего родственника. Тот проводил его взглядом, а когда за молодым человеком закрылась дверь, его улыбка превратилась в язвительную усмешку.

– Подумать только, как глупа молодежь. – проговорил он. – Вообразил, что я буду стараться ради него и сейчас скорей всего отправился в церковь, чтобы помолиться за успех предприятия, а так же о том, что бы прекрасная графиня оказалась ни в чем не повинна. Гм... Он еще и слово сдержит, с него станется. Бедный юноша!

Тут он вздохнул и достал из кармана любовную записку, полученную им на балу и подписанную графиней Винтер.

В Туре.

Тур – чудесный город, да и провинция Турень – тоже чудесное местечко. Луга, небольшие и чистенькие домики, величественные соборы и замки – все радует глаза и душу. Базен, лакей на службе мушкетера Арамиса, никогда не любил длительные поездки, но все же в Турень ездил с охотой. Тем более в – этот раз.

На этот раз господин Арамис отправил его с письмом в Тур из военного лагеря. Базен, как человек мирный и достаточно пожилой, был только рад выбраться оттуда. Будь на то его воля, он предпочел бы и остаться у той, к кому письмо было адресовано, но – увы! Господин ждал ответа, а прекрасная дама, которая отличалась добрым сердцем и отзывчивой душой, никогда и никого без ответа не оставляла, так что пребывание Базена в ее доме было весьма недолгим. Сутки, не более того.

В день своего отъезда, он проснулся рано, позавтракал и начал собираться в дорогу. Сборы, впрочем, как всегда, занимали много времени, к тому же Базен, скажем прямо, был не прочь это время потянуть. А пока он его тянул, почти весь дом успел проснуться. "Скажу, что встал рано, а потом поел и задремал, – подумалось ему. – Во всяком случае, герцогиня вряд ли еще встала. Она же всегда спит до обеда!"

Его размышления прервал тихий стук в дверь. Базену стало как-то сразу не хорошо. А когда он открыл дверь и увидел на пороге камеристку герцогини, то его дурнота усилилась, раз эдак в сто.

– Ее светлость хочет меня видеть? – пробормотал Базен.

– Нет, сударь, – быстро ответила девушка и залилась румянцем. – Я сама хотела с вами поговорить.

– М-м, очень рад. – с облегчением вздохнул Базен. – Проходите.

Она прошла в комнату. Базен прикрыл дверь и вернулся к своим вещам, искоса поглядывая на взволнованную гостью.

– Скажите, сударь, Вы едите в Ла Рошель? – спросила девушка.

– Да, – подтвердил Базен. – Я знаете ли, имею честь состоять на службе у одного из королевских мушкетеров...

– У господина Арамиса, не так ли? – живо уточнила девушка.

– Гм... Да. – Базен недоуменно оглядел камеристку. – Вы знаете господина Арамиса?

– Господин Арамис рекомендовал меня ее светлости...

– Понимаю. А вы значит, теперь хотите что-то передать моему господину?

Девушка опять покраснела.

– Нет, не ему. – сказала она. – Видите ли, господин Арамис рекомендовал меня ее светлости по просьбе своего друга... Господина Д,Артаньяна.

– Вы хотите что-то сообщить господину Д,Артаньяну?

– Нет! То есть... Да. – девушка нервно сжимала руки. – Я хотела отправить ему... подарок.

– Какой подарок?

– Вот это... Колечко.

Базен взял и повертел на пальцах ее подарок. Тоненькое колечко, с красивым камнем, темно-бардового цвета.

– Что ж, передам. – сказал он. – Мне не трудно. Тем более, что оно как никак деньги стоит... А у господина Д,Артаньяна сейчас такие затруднения...

– Какие затруднения?

– Да денежные же! С деньгами у него неважно.

– А разве он не получает жалования? Он ведь состоит на службе у зятя господина де Тревиля?

– Он, сударыня, уже перешел на службу к самому господину де Тревилю. Так что теперь господин Д,Артаньян – мушкетер. И как понимаете, он сейчас в долгах, как в шелках...

– Но я не понимаю.

– А что тут не понятного? – удивленно воззрился на нее Базен. – Господа мушкетеры вечно всем должны. Они и в кости играют и выпить не дураки. Так что денюжки у них так и летят. Вот господин Д,Артаньян допился и доигрался. Будь у него такая же покровительница, как у моего господина, все было бы и не так плохо, но что поделаешь если ее нет!

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что сказал. Не умеет господин Д,Артаньян свою жизнь устроить. Вот мой господин, и с духовниками дружит, и у герцогинь в большой милости. А у господина Д,Артаньяна только и есть одна какая-то лавочница, да еще замужня... К тому же она сама сейчас без денег, в монастыре сидит.

– Вы говорите о жене галантерейщика Бонасье? Но разве господин Д,Артаньян не по любви...

– Ну, само собой, по любви сударыня! Как задолжал ей и ее мужу за квартиру, так сразу и любовь появилась! Дело, знаете ли, молодое. Господин Д,Артаньян юноша славный, не хуже других, да и не глупый тоже. Нашел себе другую даму, познатнее, да побогаче, да вот дама заартачилась, не хочет ему ничем помочь. Совершенно бессердечная женщина и такая подлая.

– И... Кто эта дама?

– А дама – графиня Винтер. Слыхали о такой?

– Но ведь графиня уехала в Англию!

– Вот именно, уехала. Уехала, а господин Д,Артаньян ничего от нее и не получил, хотя так старался! Ну да ладно. Он еще с ней разберется, честь по чести, за все ее подлости и каверзы, как полагается порядочному человеку.

– И каким же образом?

– У этой негодной женщины в Англии есть родственник, который очень расположен к господину Д,Артаньяну, а ее терпеть не может. Он только рад будет от нее избавиться и ее денюжки к рукам прибрать. Господин Д,Артаньян уже кое-что придумал: написал ее деверю, что она и развратница каких поискать, двух любовников зараз принимает, и его самого отравить пыталась – благо, его друзья все трое свидетельствовать в том согласны. А господин Атос заявляет и того хлеще: что графиня, оказывается не только развратница и отравительница, но

еще и воровка и двоемужница к тому же! У нее дескать, есть муж во Франции и она вышла за Винтера будучи уже замужней.

– Какой ужас!

– Да, уж для графини точно будет ужас, когда ее оберут до нитки и в тюрьму посадят. Хотя, до тюрьмы может и не дойдет, это же как никак благородные господа. Сплавят ее потихонечку в ссылку и притравят там потихоньку. Впрочем, ей так и надо: будет знать, как отказываться помогать бедному молодому человеку... Да и дворянину к тому же.

– Боже мой!

– Ну, не переживайте так, сударыня. Как только лорд Винтер от своей родственницы избавится, он господину Д,Артаньяну точно поможет! Но это еще не скоро будет, так что ваше колечко – очень кстати окажется.

– Оно не очень дорогое, сударь. – возразила камеристка.

– Хотите забрать его назад?

– Нет. Подождите меня, пожалуйста.

Девушка вышла из комнаты. Базен удовлетворенно зевнул и уселся на стул. Через какое то время камеристка появилась снова, с узелком в руках.

– Возьмите его, господин Базен, – сказала девушка. – Здесь все мои сбережения. Надеюсь, они все же покроют хоть половину долгов господина Д,Артаньяна. Только...

– Только?

– Не говорите ему, что эти деньги от меня. Скажите, что они от герцогини. В благодарность за его заботу о... чести королевы.

– Да, сударыня. Так ему и передам.

– Прощайте, сударь.

Базен взял узелок, попутно не удержавшись от искушения пожать руку хорошенькой девушке. Та ничего не заметила. Ее рука была холодной, как лед и дрожала.

– Вам не здоровится? – спросил Базен.

– Нет, напротив. – ответила девушка. – Я наконец-то выздоровела.

Базен недоуменно похлопал глазами. А пока он хлопал – камеристка ушла. Однако его это мало расстроило. "Славная девушка, – подумал он. – Дай Бог ей счастья! То то господин Д,Артаньян обрадуется! Впрочем, как только он получит деньги от лорда Винтера, я ему о ней скажу. Пусть и ей подкинет на приданное. Должна же добродетель вознаграждаться хоть когда-то, и по человечески и по божески. Аминь, аминь!"

И с этими благочестивыми мыслями, Базен опять начал собираться в дальнюю дорогу.

Утренний визит.

В Портсмуте было утро. Хотелось бы прибавить – чудесное, но, к сожалению, чудесные утра в Англии, даже летом случаются очень редко, так что же говорить про зиму! Словом, утро выдалось промозглым, ветряным и холодным, как и положено, зимнему утру.

Горожане этого славного приморского города, тоже, как положено, пробудились очень рано и занимались делами сообразно возрасту и положению. В доме лорда Винтера тоже царило большое оживление – слуги поднялись с утра пораньше, как и подобает честным горожанам, но в отличии от других горожан, делами они не занимались, а предавались приятному ничегонеделью: пили чай, эль, еще что-то покрепче и обсуждали отсутствующего лорда, соседей и всякие животрепещущие новости, вроде войны с Францией. Словом, слуги лорда, в это не очень чудесное утро, проводили время хорошо и весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.